
Михаил Рыклин
Андре Жид.
*Христос и Демофоон**

В судьбоносном для Европы 1933 году Андре Жид записал в своем «Дневнике»: ничто так не враждебно учению Христа, как капитализм¹. Симпатии писателя к коммунизму коренились в остром переживании того, что христианство не выполнило свою историческую миссию. Между проповедью Христа, обращенной к униженным и оскорбленным, основанной на отвержении мира сего, и церковью, вошедшей в сговор с мамоной, считал он, зияет бездна. Церковь так тесно сплелась с антихристианскими по существу своему силами, что «теперь уже невозможно избавиться от этих гнусных сил, не свалив одним ударом и религию»² (здесь почти буквально повторяется лейтмотив из текста В. Бенямина

* Фрагмент вышедшей в Германии книги: *Ryklin M. Kommunismus als Religion. Die Intellektuellen und Oktoberrevolution. Frankfurt a. M.: Verlag der Weltreligionen, 2008. – 192 S.*

В книге на примере текстов Б. Рассела, В. Бенямина, А. Кёстлера, А. Жид, Л. Фейхтвангера, Б. Брехта и других анализируются причины особой притягательности Октябрьской революции для европейских интеллектуалов в 20–30-е годы XX века. – *Прим. ред.*

¹ См.: *Жид А. Подземелья Ватикана. М.: «Московский рабочий», 1990, с. 619–620.*

² Там же, с. 620.

«Капитализм как религия», который не был опубликован к тому моменту; сходство следует отнести за счет духа времени). Более того, если бы церковь не уклонилась от евангельской проповеди Христа, в коммунизме не было бы необходимости: его послание было бы реализовано внутри христианства. «Поэтому можно сказать, что коммунизм вырос из предательской деятельности христианства и что в существовании коммунизма не было бы смысла, если бы не обанкротилось христианство»³. Именно коммунизм, эта «религия без мифологии»⁴, уничтожил дух собственности и осуществил равенство человеческих возможностей, следовательно, то, что именует себя атеизмом, на самом деле реализует подлинную сущность веры.

Таково было упование, с которым французский писатель приехал в 1936 году в СССР. Смешно полагать, что сталинский СССР мог соответствовать столь возвышенному ожиданию, не говоря уже о том, чтобы его оправдать. В «Возвращении из СССР» Жид поражает воля, с какой его автор противостоял мифологии революции (сильно разросшейся к тому времени) ради «религии без мифологии», и неудивительно, что его покорила, более того, задела за живое бесцеремонность, с какой советский атеизм обходился с христианством. Да, возможно, Христос не был исторической личностью, да, церковь обманывала бедных и способствовала их эксплуатации, но разве можем мы на этих и подобных основаниях отрицать очевидное, а именно то, что христианство было самым мощным революционным ферментом своего времени. Жид проницательно предсказал, что, выйдя из-под власти агрессивной антирелигиозной пропаганды, народы СССР скорее всего станут жертвами «эпидемий мистики»; последние действительно обрушились на граждан бывшего СССР после его распада в виде целых полчищ ясновидящих, гадалок, пророков, представителей черной и белой магии, чья назойливая реклама до сих пор заполняет страницы газет.

Жид связывал с судьбой СССР будущее человеческой культуры, поэтому его особенно возмутило грубое пренебрежение к еван-

³ Там же, с. 621.

⁴ Там же, с. 625.

гельским и античным образам, «значение которых огромно и вечно»⁵. Вместе с грязной водой в данном случае в спешке выплеснули и ребенка, а ведь это был тот самый ребенок, ради которого была совершена Октябрьская революция, «лучезарный младенец» из мифа о Демофоне, к которому мы еще возвратимся. Можно сказать, что Жид не смог простить советскому атеизму того, что это атеизм без собственной сущности, то есть без искупления.

Если Брехт приезжал в Советский Союз, чтобы увидеть общество, совершившее экспроприацию частной собственности и тем самым преодолевшее историческое тяготение, то вопрошание Жида носило, можно сказать, непосредственно религиозный характер. Именно потому, что он видел в коммунизме реализацию подлинной сущности веры, для него была невозможна ни сделка с приглашающей стороной, ни объяснение недостатков советского строя случайными, привходящими обстоятельствами. Свое возвышенное ожидание он поставил выше обстоятельств, выше любого стечения исторических случайностей, даже столь судьбоносных, как противостояние коммунизма и фашизма. Перед их лицом спасовали тогда очень многие, но не Андре Жид. Как только он увидел в партии новую церковь, а в Сталине – обожествленного вождя, он отшатнулся от большевистского эксперимента и, главное, решил поведать миру о причинах своего разочарования. Политическая неискусенность Жида сослужила ему (как за сто лет до него маркизу де Кюстину) хорошую службу – и на этот раз критика наемных писак и коммунистических функционеров была мимо цели. Успех «Возвращения из СССР» у европейского читателя был огромным.

Если бы текст Жида не сохранил отсветов его восторга перед поверхностью советской жизни, если бы в нем не запечатлелось манящее сияние, местами становящееся неотразимым, его записи ничем не отличались бы от писаний многочисленных консерваторов. Главным оружием писателя была искренность в ожидании чуда и связанная с этим драма разочарования – впрочем, разочарования не полного, колеблющегося, цепляющегося за остатки

⁵ Там же, с. 536.

надежды, как бы через силу ставящего диагноз советскому Демоfoonу. Жид не стал врагом СССР и уже после войны записал в дневнике, что очень хотел бы еще раз побывать в этой стране. Но путь в коммунистическую Мекку ему был закрыт. Там еще долго не забудут вынесенного им в 1936 году вердикта: «И я не думаю, что в какой-то другой стране, хотя бы и в гитлеровской Германии, сознание было бы так несвободно, было бы более угнетено, более запугано (терроризировано), более порабощено»⁶.

Во многих свидетельствах, относящихся к жанру «возвращений из СССР», присутствует религиозный подтекст, особенно, кстати, в текстах, чьи авторы сознательно уклоняются от обсуждения этой темы. Это зачастую значит, что они не хотят проблематизировать свою веру – слишком она еще сильна и первозданна. В этом плане им есть чему поучиться у Андре Жида, не только не скрывавшего, что в СССР его привела новая, коммунистическая вера, но и подвергнувшего ее суровому, детальному анализу.

Советские впечатления Жида неоднородны, даже противоречивы. С одной стороны, его пугает обезличивание советских людей, которым позволено выражать одно-единственное мнение. «Wenn der ganze Chor unisono singt, kann von Harmonie nicht mehr die Rede sein»⁷. Он замечает, что какая-либо критика партийной линии строгойше запрещена, обсуждать можно лишь пути ее реализации. Результатами являются тотальный конформизм, доноительство, невиданное раздробление общества, отчуждение людей друг от друга.

Такова, так сказать, террористическая составляющая советского общества.

С другой стороны, Жид с беспокойством отмечает в сталинском обществе признаки обуржуазивания, возврата к растленному капитализму. В нем происходит имущественное расслоение, возрождается социальное и семейное неравенство, запрещаются аборт, словом, в нем ликвидируется наследие Октябрьской революции. Можно возразить, что по сравнению с ужасами террора, о

⁶ Там же, с. 544.

⁷ Ein Gott der keiner war. München: DTV, 1962, S. 170.

которых французский писатель имеет далеко не полное представление, возрождение зачатков буржуазных ценностей представляет собой не столь уж кошмарную перспективу, но мы знаем, что для Жида нет *ничего* хуже капитализма. Связывая с СССР будущее культуры, он и мысли не допускал, что и культура, и идея прогресса, и гуманизм, и права индивида являются изобретениями буржуазии; нельзя, следовательно, одновременно ненавидеть всеобщее обезличивание и не критиковать появление малейших ростков социального расслоения. Безупречная личная честность и неподкупность французского писателя только оттеняют фантастичность ожиданий, которые западные интеллектуалы связывали с Советским Союзом в 20-е и особенно в 30-е годы XX века. Они свято уверовали, что капитализм на «родине победившего пролетариата» преодолен, тогда как Октябрьская революция всего лишь с корнем вырвала его слабые ростки. Дореволюционная Россия не была капиталистической страной – и *именно поэтому* в ней произошла успешная социалистическая революция. Априорная пропагандистская схема, в которую очень хотелось поверить, сплошь и рядом оказывалась для лучших умов Европы убедительней информацией, которую читатель мог бы почерпнуть из двух-трех не самых сложных книжек о дореволюционной России.

СССР стал плоскостью проекции мощных и неконтролируемых желаний, он был устроен (злые языки говорят даже: был задуман основателями) как ловушка для желания другого, как место, где рассудок отключается и в силу вступает логика веры. При этом очередного верующего не покидает ощущение, что обращение в новую веру совершается на рациональном основании; субъективно ослепление переживается как величайшее прозрение, поднимающее его над окружающим. Под обаяние коммунистической веры попадали и рабочие, и крестьяне, и священники, и парламентарии, и члены правительств, но особенно часто ее носителями были интеллектуалы. Не случайно Раймон Арон назвал ее «опиумом интеллектуалов»⁸. В XX веке не было, пожалуй, изобретено более сильного наркотика, чем этот.

⁸ См.: Aron R. L'Opium des Intellectuels. P.: Calmann-Lévi, 1955.

Уникальность Жида среди известнейших европейских писателей состоит в том, что в «Возвращении из СССР» он страхнул с себя наркотический дурман и встал на сторону жертв сталинского режима в то время, когда огромное большинство его коллег по перу либо воспевало советский строй, либо молчало. Никто, пожалуй, не сказал о книге Жида лучше, чем русский философ Георгий Федотов: «[Она] есть событие в мире моральном. Закрывая эту книгу, говоришь с облегчением: да, в мире не окончательно пропала совесть»⁹.

Пятнадцать лет назад, во время больших надежд, я написал довольно ироничный текст о «Возвращении из СССР»¹⁰. Речь в нем шла о том, как плохо знатный иностранец – приглашенный властями для вынесения диагноза о новом социальном порядке – ориентируется в незнакомой ему стране, как он проигрывает в состязании с властью, громоздящей одну потемкинскую деревню на другую, как неоправданно эйфорически он реагирует порой на окружающее. Легкая ирония по отношению к такому неудобному свидетелю, как Жид, не представлялась тогда неуместной – ведь демократическая Россия, как казалось, окончательно сделала иной, несоветский выбор, и в контексте этого выбора «Возвращение» Жида имело уже чисто историческое значение.

За эти годы многое изменилось. На своем опыте я осознал, как трудно свидетельствовать даже против авторитарной (пока еще не тоталитарной) власти, которой благоприятствуют сопутствующие обстоятельства, как сложно сказать ей «нет». С тех пор как я сам стал неудобным свидетелем, на собственном опыте узнав, что значит даже в менее трагических обстоятельствах идти против течения, я смог по-настоящему оценить свидетельство Жида и то, что отделяло и отделяет его от многочисленных «возвращений из СССР», писавшихся в те годы. В отличие от Анжелики Балабановой, Бориса Суварина, Викто-

⁹ Цит. по: Жид А. Указ. соч., с. 23.

¹⁰ Schoenschriften des Terrors. – In: Ryklin M. Räume des Jubels. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2003, SS. 164–184.

ра Сержа¹¹, Артура Кёстлера, Игнацио Силоне и других бывших коммунистов, порвавших с ВКП(б), он не знал советский мир изнутри и разочаровался в нем по совсем иным, неполитическим причинам. Перед лицом конкурирующих тоталитарных систем этот пожилой человек осмелился не просто выкрикнуть «Чума на оба ваших дома!» (что уже само по себе по тем временам было необычным и дерзким), но написать, что в СССР, успешно выдававшем себя за оплот подлинной, социалистической демократии, человек еще менее свободен, чем в нацистской Германии. Напечатать такое в 1937 году значило проявить незаурядное гражданское мужество, предпочесть истину любым прагматическим соображениям, весомость которых в ситуации надвигавшейся войны не оспаривалась почти никем. В то время как тысячи жертв сталинского террора считали, что постигшее их наказание – результат нелепой случайности, автор «Возвращения», заезжий иностранец, глубже их заглянул в духовную сущность советского режима. Он знал, что книгой воспользуются его противники, те, у кого, по словам цитируемого им Токвиля, «любовь к порядку сочетается со вкусом к тирании». Даже если Советский Союз и не преодолеет свои «тяжкие ошибки», они, писал он, «не могут скомпрометировать истину, которая служит общечеловеческому, интернациональному делу. Возможно, кому-то ложь умалчивания или упорство во лжи могут показаться оправданными, но на самом деле все это только на руку врагам, истина же, как бы ни была жестока, наносит раны только для исцеления»¹². Чистота упования оказалась для Жида важнее несовершенной попытки

¹¹ Виктор Серж информировал Жида о положении в СССР. «Я обратился к Андре Жиду с открытым письмом накануне его поездки в Россию, в котором писал: Мы создаем фронт против фашизма. Как преградить ему дорогу, когда за нашей спиной – столько концлагерей?.. Позвольте сказать Вам, что рабочему классу в СССР можно служить, лишь смотря в лицо действительности. Разрешите обратиться к Вам от имени тех, кто сохранил мужество, – имейте же и Вы мужество смотреть в лицо действительности» (*Серж В.* От революции к тоталитаризму. Записки революционера. М.: «Праксис»; Оренбург: «Оренбургская книга», 2001, с. 409).

¹² *Жид А.* Указ. соч., с. 523.

его исторической реализации, истина «интернационального дела», человечество – выше «избранной родины» (*patrie d'élection*), каковой он объявил СССР.

Любой исторический материалист сказал бы Жиду, что все это – свидетельства его непреодоленной религиозности, изначального заблуждения, в результате которого коммунизм предстал ему в мессианской перспективе, в ракурсе искупления, как сосуд для восприятия истины обанкротившегося христианства. Но как иначе, возразил бы ему Жид, можно отождествиться с жертвой и отшатнуться от палача? И разве исторический оптимизм, не отступающий ни перед чем, не оказывается сплошь и рядом точкой зрения палача?

Восторгов по поводу разных сторон советской жизни в «Возвращении», повторяю, больше, чем у Эгона Эрвина Киша¹³ и Лиона Фейхтвангера вместе взятых, но этот сияющий мир, мир, в котором просто нельзя не смеяться, в конечном счете расшифровывается Жидом как последовательно бесчеловечный. «*Er konnte uns seine Meinung offen sagen*», – возмущалась в письме к Вальтеру Бенъямину Ася Лацис¹⁴. На это Жиду было что ответить. «Быть невеселым, – читаем в «Поправках к моему “Возвращению из СССР”», – или, по крайней мере, не скрывать этого – чрезвычайно опасно. Россия не место для жалоб, для этого есть Сибирь»¹⁵.

В конце «Поправок» Жид возвращается к теме коммунизма и христианства. Он рассказывает, как в Сочи некий Х., выпив, попросил переводчицу сходить за сигаретами (переводчики докладывали в органы НКВД о том, как вели себя советские граждане в присутствии иностранцев) и, пока ее не было, прочитал ему записанное стихотворение Сергея Есенина, написанное поэтом в ответ на богохульную статью. Вот как оно звучит в пересказе Жид: «Когда ты выступаешь против попов, – обращался к автору

¹³ См.: *Kisch E.E.* Zaren, Popen, Bolschewiken. Berlin: Aufbau-Verlag, 1961.

¹⁴ *Russen in Berlin. Literatur, Malerei, Theater, Film 1918–1933* / Hrsg. von F. Mierau. Leipzig: Reklam, 1987, S. 575.

¹⁵ Жид А. Указ. соч., с. 592.

статьи Есенин, – мы тебя поддерживаем. Мы с тобой, когда ты смеешься над небом и преисподней, над Богом и Богородицей. Но когда ты говоришь о Христе, поостерегись. Не забудь, что тот, кто отдал жизнь за людей, был не с сильными мира сего, но с несчастными и обездоленными, и славу свою видел в том, что его, сына Божьего, называли сыном человеческим»¹⁶.

Мне не удалось найти у Есенина стихотворение, которое приводит Жид, но оно как нельзя лучше иллюстрирует его отношение к советскому опыту и подводит итог путешествию писателя на «избранную Родину». К коммунизму он пришел не благодаря изучению Маркса или Ленина (хотя, конечно, читал и того и другого), но из-за неприятия вопиющего социального неравенства. Он стыдился того, что принадлежал к привилегированному меньшинству, которому нет необходимости зарабатывать свой хлеб в поте лица, он приехал в СССР для того, чтобы увидеть мир социального равенства, мир, свободный от погони за прибылью. И что же? От «родины прогрессивного человечества» его оттолкнуло как раз то, чем там его собирались прельстить. «Никогда я не путешествовал в таких роскошных условиях. Специальный вагон и лучшие автомобили, лучшие номера в лучших отелях, стол самый обильный и самый изысканный. А прием! А внимание! Предупредительность!.. Но это внимание, эта забота постоянно напоминали о привилегиях, о различиях там, где я надеялся увидеть равенство»¹⁷. И если Жид не поддался соблазну почестей и денег, воздействовавших на многих из его собратьев по перу, это можно не в последнюю очередь отнести за счет его христианского воспитания. «Убежденным сторонником, энтузиастом я ехал восхищаться новым миром, а меня хотят *купить* привилегиями, которые я так ненавидел в старом»¹⁸.

Словом, Жид отверг коммунизм как религию. Бремя спасения человечества от неравенства, которое она на себя взвалила, оказалось для нее непосильным. По сравнению с этим провалом

¹⁶ Там же, с. 605.

¹⁷ Там же, с. 589.

¹⁸ Там же, с. 590.

все остальное, в том числе и многочисленные успехи советской власти, показались писателю второстепенными, заслуживающими лишь поверхностного удивления.

Но в тексте Жида есть пласт, отличный от христианского. Жак Деррида, обративший на него внимание, назвал его мифически-эсхатологическим. Мифическая нота звучит в «Возвращении» с самого начала. Великая богиня Деметра, говорится в эпитафье к «Возвращению», приняла облик няни, пришла ко двору царя Келеса, чтобы заняться воспитанием его сына Демофона. «... [С] притворной жестокостью, а на самом деле с безграничной любовью, желая ребенка превратить в бога, она укладывала его обнаженным на ложе из раскаленных углей»¹⁹. «Лучезарный младенец» символизирует будущее человечества, которое закаляется в огненной купели, становясь сверхчеловеком, до тех пор, пока его мать, царица Метанейра, испугавшись за жизнь младенца, не сняла его с огненного ложа и, «чтобы спасти ребенка», не «погубила бога»²⁰.

Аналогия понятна: подобный же великий эксперимент, закаливание нового человечества, шел в СССР после Октябрьской революции, но, когда начали появляться признаки того, что эксперимент удастся, партия или, если угодно, бюрократия, испугавшись его радикальности, вынула почти готового нового человека из огненной купели, и тот превратился в человека обычного. Жида, по мнению Деррида, изначально притягивало к СССР ощущение «беспрецедентности опыта»²¹, осуществляемого в этом уникальном месте, опыта, обращенного к будущему. Отправляясь в Москву, он парадоксальным образом возвращается к себе, на «избранную Родину», с чужбины, каковой является для него обычная родина, капиталистическая Франция. Собственно, это абсолютное будущее, готовое осуществиться в настоящем, и не оправдывает ожиданий писателя. «Утопия, не-место была вот-вот готова

¹⁹ Там же, с. 520.

²⁰ Там же.

²¹ Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М.: РИК «Культура», 1993, с. 47.

занять место на этой “земле”»²², и только какая-то случайность, неверный поворот колеса, не дали свершиться чуду, появлению на свет «лучезарного младенца». По определению нельзя знать заранее, к чему приведет опыт «бытия-в-строительстве»²³, в котором перманентно пребывает Советский Союз; то, что истинно для одного момента, может оказаться ложным для последующего.

Деррида пронизательно замечает, что мифическим и эсхатологическим является не только происходящее в СССР – таково прежде всего письмо самого Жида. В пространстве этого письма зарождается и умирает великая вера в «лучезарного младенца». То, что интенсивно переживается как провал коммунистического эксперимента, неотделимо от коллапса письма, желающего нас об этом известить. «Почему так настаивают на “бытии-в-строительстве”? Не для того ли, чтобы лучше очертить “родовые муки” самих этих “путешествий”, этих “возвращений”, равно как и текстов, которые их упорядочивают? Несомненно»²⁴.

В перевернутом виде эта логика удерживается в повествованиях об СССР периода перестройки. Теперь туда уже едут не для того, чтобы оценить ход невиданного эксперимента, а для того, чтобы решить, соответствует ли происходящее модели западных парламентских демократий. Другими словами, хотя СССР из оригинала превратился в копию, а Запад – из копии в оригинал, логика мифа, эсхатологического ожидания сохранилась неизменной. Но как СССР, саркастически замечает Деррида, не обладал экспортной моделью коммунизма, так и Запад не обладает экспортной моделью демократии. И то и другое принципиально не поддается завершению, существует лишь в обращенности к будущему. В истории несбывшееся обещание является не исключением, а нормой.

В связи с мифом о закаляемом Деметрой «лучезарном младенце» мне хотелось бы дополнить анализ Деррида обстоятельством, которое мог подметить только человек, учившийся в советской

²² Там же, с. 47.

²³ Там же, с. 50.

²⁴ Там же.

школе. Перед поездкой в СССР Жид скорее всего прочел роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в котором повествуется о героическом строительстве железной дороги молодыми коммунистами во время Гражданской войны. Сочинение это является одновременно атеистическим и религиозным, свидетельством зарождения новой веры. Помню, в школе нас заставляли заучивать наизусть наиболее знаменитый отрывок из него: «Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не жег позор за мелкое, подленькое прошлое и чтобы, умирая, ты мог сказать: вся жизнь и все силы отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества!» Этот отрывок, да и весь пафос романа «Как закалялась сталь» не мог не найти живого отклика в сердце Жид.

Жид встретился с ослепшим и парализованным Николаем Островским в Сочи и назвал его святым. «Вот, – воскликнул он, глядя в лицо писателя, – наглядное доказательство того, что святых рождает не только религия. Достаточно горячего убеждения, без надежды на будущее вознаграждение. Ничего, кроме удовлетворения от сознания выполненного сурового долга»²⁵. Жид долго держал руку Островского в своей, на прощание поцеловал его, с трудом сдерживая слезы. Пожалуй, не об одном советском брате по перу он не отозвался с таким восторгом. Время героического коммунизма первых послереволюционных лет было предметом восхищения многих. Собственно, его исчезновение Жид и оплакивает в своей книге.

Поэтому осмысленно, на мой взгляд, предположить, что закаливание Демофона в огненной купели и закаливание молодых, самоотверженных коммунистов в купели революции в книге «Как закалялась сталь» – части единого целого.

Андре Жиду не удалось свести воедино иудео-христианскую тему с языческой, объединить мотив христианского обещания, еще раз данного и не сдержанного Октябрьской революцией, с языческим мотивом «лучезарного младенца» Демофона, прежде-

²⁵ Жид А. Указ. соч., с. 557.

временно вынутаго из огненной купели. Первое обещание относится к преображению в духе, второе – к преображенной телесности, не знающей времени и боли. Только восторженная вера в революцию позволяла думать, что то и другое можно реализовать одновременно. Демоfoon, закалившись в купели, стал бы *языческим* богом, чью статую христиане сочли бы идолом. Финалом же христианского искупления по необходимости является потусторонний, а не тварный, дольний мир. Революционный атеизм *впервые* сближает закаленного, нового человека с радикально преображенным земным миром, уничтожая тем самым теизм как в языческом, так и в христианском варианте.

Восторгаясь и Христом и Демоfoonом, Жид остается в пределах эстетики, которую революция пытается преодолеть с помощью террора. Он хотел сохранить минимум теизма любой ценой – поэтому оба лика революции, языческий и христианский, одинаково ужаснули и разочаровали его.

||

